

Online ISSN 2335-2388

mokslo darbai transactions

RESPECTUS PHILOLOGICUS

2013 Nr. 24 (29)

RESPECTUS PHILOLOGICUS Nr. 24 (29)

MOKSLINIS TĖSTINIS LEIDINYS

Leidžia Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas ir Jano Kochanovskio universiteto Humanitarinis fakultetas Kielcuose du kartus per metus (balandžio 25 d. ir spalio 25 d.).

Mokslo kryptis: filologija (04H). Mokslo sritys: gramatika, semantika, semiotika, sintaksė (H 352), bendroji ir lyginamoji literatūra, literatūros kritika, literatūros teorija (H 390).

Pagrindinės kalbos: lietuvių, lenkų, anglų, rusų.

CZASOPISMO NAUKOWE

Wydawcy: Uniwersytet Wileński – Wydział Humanistyczny w Kownie oraz Uniwersytet Jana Kochanowskiego – Wydział Humanistyczny w Kielcach. Ukazuje się dwa razy w roku: 25 kwietnia i 25 października.

Kierunek naukowy: filologia (04H). Dyscypliny naukowe: gramatyka, semiotyka, semantyka, syntaktyka (H 352), literatura ogólna i porównawcza, krytyka literacka, teoria literatury (H 390).

Podstawowe języki: polski, litewski, angielski i rosyjski.

ONGOING ACADEMIC PUBLICATION

Published twice a year (April 25, October 25) by Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities and The Jan Kochanowski University in Kielce Faculty of Humanities.

Scientific field: philology (04H). Research areas: grammar, semantics, semiotics, syntax (H 352), general and comparative literature, literary criticism, literary theory (H 390).

The journal accepts articles and correspondence written in English, Lithuanian, Polish, and Russian.

DUOMENŲ BAZĖS / BAZY DANYCH / ABSTRACTING AND INDEXING

Elektronische Zeitschriftenbibliothek (2002) Arianta (2002)	Frei zugängliche E-Journals Universitätsbibliothek Regensburg
Balcan Rusistics (2004)	Naukowe i branżowe polskie czasopisma elektroniczne Biblioteka Uniwersytetu Śląskiego
C.E.E.O.L. (2005)	Russian Language, Literature and Cultural Studies Central and Eastern European Online Library DFG Nationallizenzen
EBSCO (2006)	Humanities International Complete Humanities Source Current Abstracts Humanities International Index TOC Premier
MLA (2007)	Modern Language Association International Bibliography
Index Copernicus (2008)	Index Copernicus International Journal Master List
Lituanistika (2011) Linguistic Bibliography Online (2012) Ulrichs (2013)	The database of the humanities and social sciences in Lithuania Brill Leiden, Netherlands Ulrich's Periodicals

PATIKRA / WERYFIKACJA / VERIFICATION

Redakcijos adresas / Adres redakcji / Address of the editorial board

Žurnalas „Respectus Philologicus“
Vilniaus universitetas
Kauno humanitarinis fakultetas
Muitinės g. 8, LT-44280 Kaunas, Lietuva

Respectus Philologicus
Vilnius University
Kaunas Faculty of Humanities
Muitines 8, Kaunas 44280, Lithuania

Tel. +370 37 750 536

El. paštas / E-mail respectus@gmail.com

Interneto svetainė / Strona internetowa / Homepage <http://filologija.vukhf.lt>

Moksliniai ir kalbos redaktoriai / Redakcja naukowa i językowa / Proof-readers

Gabija Bankauskaitė-Sereikienė (lietuvių kalba / język litewski / Lithuanian language)
Kazimierz Luciński, Beata Piasecka (lenkų kalba / język polski / Polish language)
Algis Braun (anglų kalba / język angielski / English language)
Eleonora Lassan, Viktorija Makarova (rusų kalba / język rosyjski / Russian language)

Vertimas / Tłumaczenie / Translation

Beata Piasecka, Živilė Nemickienė

Pagrindinė redaktorė / Redaktor prowadzący / Publishing editor

Viktorija Makarova

Print ISSN 1392-8295, Online ISSN 2335-2388

© Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas, 2013

© Uniwersytet Jana Kochanowskiego – Wydział Humanistyczny w Kielcach, 2013

REDAKTORIŲ KOLEGIJA — KOLEGIUM REDAKCYJNE

- Eleonora Lissan** VU KHF profesorė, habil. dr. (04H), Lietuva, *vyriausioji redaktorė*
 Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr hab. (04H), Litwa, *redaktor naczelny*
- Kazimierz Luciński** Jano Kochanovskio universiteto Kielcuose profesorius, habil. dr. (04H), Lenkija, *vyriausiosios redaktorės pavaduotojas*
 Profesor Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach, dr hab. (04H), Polska, *zastępcza redaktora naczelnego*
- Irina Oukhvanova-Shmygova** Baltarusijos valstybinio universiteto profesorė, dr. (04H), Baltarusija, *vyriausiosios redaktorės pavaduotoja*
 Profesor Białoruskiego Uniwersytetu Państwowego, dr (04H), Białoruś, *zastępcza redaktora naczelnego*
- Gabija Bankauskaitė-Sereikienė** VU KHF profesorė, dr. (04H), Lietuva, *atsakingoji sekretorė*
 Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr (04H), Litwa, *sekretarz kolegium*
- Daiva Aliūkaitė** VU KHF docentė, dr. (04H), Lietuva
 Docent Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr (04H), Litwa
- Danutė Balšaitytė** VU Užsienio kalbų instituto profesorė, dr. (04H), Lietuva
 Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Instytut Języków Obcych, dr (04H), Litwa
- Wiesław Caban** Jano Kochanovskio universiteto Kielcuose profesorius, habil. dr. (05H), Lenkija
 Profesor Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach, dr hab. (05H), Polska
- Renato Corsetti** Romos universiteto „La Sapienza“ profesorius, habil. dr. (04H), Italija
 Profesor Uniwersytetu Rzymskiego „La Sapienza“, dr hab. (04H), Włochy
- Anatolij Chudinov** Uralo valstybinio pedagoginio universiteto profesorius, dr. (04H), Rusija
 Profesor Uralskiego Państwowego Uniwersytetu Pedagogicznego, dr (04H), Rosja
- Hans-Jürgen Diller** Bochumo Ruhro universiteto profesorius, habil. dr. (04H), Vokietija
 Profesor Uniwersytetu Ruhry w Bochum, dr hab. (04H), Niemcy
- Aloyzas Gudavičius** Šiaulių universiteto profesorius, habil. dr. (04H), Lietuva
 Profesor Uniwersytetu w Šiauliai, dr hab. (04H), Litwa

- Laima Kalėdienė** Lietuvių kalbos instituto vyriausioji mokslo darbuotoja, profesorė, dr. (04H), Lietuva
Starys pracownik naukowy, profesor w Instytucie Języka Litewskiego, dr (04H), Litwa
- Juris Kastinš** Latvijos universiteto profesorius, habil. dr. (04H), Latvija
Profesor Uniwersytetu Łotewskiego w Rydze, dr hab. (04H), Łotwa
- Asta Kazlauskienė** Vytauto Didžiojo universiteto profesorė, dr. (04H), Lietuva
Profesor Uniwersytetu Witolda Wielkiego, dr (04H), Litwa
- Jurij Kleiner** Sankt Peterburgo universiteto profesorius, habil. dr. (04H), Rusija
Profesor Uniwersytetu w Sankt Petersburgu, dr hab. (04H), Rosja
- Aleksandras Krasnovas** VU KHF profesorius, dr. (04H), Lietuva
Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr (04H), Litwa
- Jadvyga Krūminienė** VU KHF profesorė, dr. (04H), Lietuva
Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr (04H), Litwa
- Jurgita Mikelionienė** Kauno technologijos universiteto docentė, dr. (04H), Lietuva
Docent Uniwersytetu Technologicznego w Kownie, dr (04H), Litwa
- Gerald E. Mikkelson** Kanzaso universiteto profesorius, dr. (04H), JAV
Profesor Uniwersytetu w Kansas, dr (04H), USA
- Olegas Poliakovas** VU KHF profesorius, habil. dr. (04H), Lietuva
Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr hab. (04H), Litwa
- Marek Ruszkowski** Jano Kochanovskio universiteto Kielcuose profesorius, habil. dr. (04H), Lenkija
Profesor Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach, dr hab. (04H), Polska
- Yuri Stulov** Minsko valstybinio lingvistikos universiteto profesorius, dr. (04H), Europos „Amerikos studijų asociacijos“ Baltarusijos filialo prezidentas, Baltarusija
Profesor Państwowego Uniwersytetu Lingwistycznego w Mińsku, dr (04H), prezes białoruskiej filii Europejskiego Stowarzyszenia Studiów Amerykanistycznych, Białoruś
- Leona Tokor** Jeruzalės Žydų universiteto profesorė, habil. dr. (04H), Izraelis
Profesor Uniwersytetu Hebrajskiego w Jerozolimie, dr hab. (04H), Izrael

---

EDITORIAL BOARD

Eleonora Lissan	Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania, <i>editor-in-chief</i>
Kazimierz Luciński	Professor (04H), The Jan Kochanowski University in Kielce, Poland, <i>deputy editor-in-chief</i>
Irina Oukhvanova-Shmygova	Professor (04H), Belarusian State University, Belarus, <i>deputy editor-in-chief</i>
Gabija Bankauskaitė-Sereikienė	Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania, <i>managing secretary</i>
Daiva Aliūkaitė	Associate Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania
Danutė Balšaitytė	Professor (04H), Vilnius University (Institute of Foreign Languages), Lithuania
Wiesław Caban	Professor (05H), The Jan Kochanowski University in Kielce, Poland
Renato Corsetti	Professor (04H), Sapienza University of Rome, Italy
Anatolij Chudinov	Professor (04H), Ural State Pedagogical University, Russia
Hans-Jürgen Diller	Professor (04H), Ruhr University Bochum, Germany
Aloyzas Gudavičius	Professor (04H), Šiauliai University, Lithuania
Laima Kalėdienė	Professor (04H), Senior Researcher, Institute of the Lithuanian Language, Lithuania
Juris Kastinš	Professor (04H), University of Latvia, Latvia
Asta Kazlauskienė	Professor (04H), Vytautas Magnus University, Lithuania
Jurij Kleiner	Professor (04H), St. Petersburg State University, Russia
Aleksandras Krasnovas	Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania
Jadvyga Krūminienė	Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania
Jurgita Mikelionienė	Associate Professor (04H), Kaunas University of Technology, Lithuania
Gerald E. Mikkelsen	Professor (04H), The University of Kansas, USA

Olegas Poliakovas	Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania
Marek Ruskowski	Professor (04H), The Jan Kochanowski University in Kielce, Poland
Yuri Stulov	Professor (04H), Minsk State Linguistic University, President of European Association for American Studies in Belarus, Belarus
Leona Toker	Professor (04H), The Hebrew University of Jerusalem, Izrael

TURINYS / SPIS TREŚCI

I. PROBLEMOS IR SPRENDIMAI / PROBLEMY I ICH ROZWIĄZANIA

- Aleksandras Krasnovas** (Lietuva / Litwa). Individuali ir bendruomeninė tapatybė bei jų sąveika grožinėje literatūroje..... 11
- Oleg Leszczak** (Lenkija / Polska). Społeczny i empiryczny charakter transcendentalnego antropocentryzmu Immanuela Kanta: problem istoty człowieczeństwa 21
- Bernard Sypniewski, M. Frankel Sypniewski** (JAV / USA). Patterns of Thought..... 36
- Наталья Клушина** (Rusija / Rosja). Интенциональный аспект современной стилистики..... 50

II. FAKTAI IR APMASTYMAI / FAKTY I ROZWAŻANIA

- Yuri Stulov** (Baltarusija / Białoruś). The Cityscape in the Contemporary African-American Urban Novel 65
- Анна Дашенко** (Ukraina / Ukraina). Личностное измерение стиля И-ань: ценностные установки Ли Цинчжао 72
- Gintarė Aleknavičiūtė** (Lietuva / Litwa). Domestication in the Translation of D. Brown's *The Da Vinci Code*..... 87
- Anna Wzorek** (Lenkija / Polska). Olgi Tokarczuk gra z regułami powieści kryminalnej (na podstawie *Prowadź swój plug przez kości umarłych*) 98
- Simona Amankevičiūtė** (Lietuva / Litwa). Kognityvusis požiūris į stereotipinius moters įvaizdžius vizualiojoje reklamos erdvėje..... 108
- Елена Казимянец** (Lietuva / Litwa). *Снег* в русской языковой картине мира 121
- Oskar Gawlik** (Lenkija / Polska). On *If* and *Whether* Complement Clauses of *See*, *Wonder*, and *Know* in Contemporary Spoken Academic American English: A Corpus-Based Study..... 131
- Евгений Зубков** (Lenkija / Polska). Словоупотребления *ксива* и *малява* в русском уголовном дискурсе..... 142
- Mihaela Culea** (Rumunija / Rumunia). “Middle Ground,” “Duality,” and “Diversimilarity” as Responses to Postcolonial and Global Challenges in Chinua Achebe's *The Education of a British-Protected Child* and *No Longer at Ease* 151
- Malgorzata Krzysztofik** (Lenkija / Polska). *Recepta duszna i cielesna przeciw powietrzu morowemu* ks. Hieronima Powodowskiego (XVI w.) – antropologiczny model lektury..... 162
- Malgorzata Przeniosło** (Lenkija / Polska). Nauczyciele akademicy na Uniwersytecie Stefana Batorego w Wilnie w okresie międzywojennym..... 176

III. NUOMONĖ / OPINIE I POGLĄDY

- Элеонора Лассан** (Lietuva / Litwa). О причинах вечности сказочных сюжетов
(на материале сказки «Мальчик с пальчик»)..... 194

IV. KONFERENCIJŲ MEDŽIAGA / MATERIAŁY KONFERENCYJNE

- Leszek Szymbański** (Lenkija / Polska). Language Awareness in an Internet Chat Room 203

V. SKAUDŪS KLAUSIMAI / DRAŹLIWE KWESTIE

- Viktorija Makarova** (Lietuva / Litwa). Priešo įvaizdžio formavimas Lietuvos žiniasklaidos
priemonėse: lenkų klausimas..... 213

VI. MOKSLINIO GYVENIMO KRONIKA / KRONIKA ŻYCIA NAUKOWEGO

Konferencijų apžvalgos / Konferencje

- Jurgita Astrauskienė** (Lietuva / Litwa). Tarptautinės mokslinės konferencijos „Tarp eilučių:
lingvistikos, literatūrologijos, medijų erdvė“ *TELL ME 2013* apžvalga 222

- Tatiana Larina** (Russia). Searching for Understanding in Cross-Cultural Communication.... 225

Knygų recenzijos / Recenzje książek

- Лара Синельникова** (Ukraina / Ukraina). ЧЕРВИНСКИЙ, П., 2012. *Язык советской
действительности: Семантика позитива в обозначении лиц*..... 230

- Michał Mazurkiewicz** (Lenkija / Polska). *Sport w sztuce. Sport in Art.* 2012.
M. KOZIOŁ, D. PIEKARSKA, M. A. POTOCKA (eds.)..... 237

- Anonsai / Zapowiedzi** 239

VII. REIKALAVIMAI STRAIPSNIAMS /

- ZASADY OPRACOWYWANIA PUBLIKACJI** 240

- VIII. MŪŠŲ AUTORIAI / NASI AUTORZY** 248

CONTENTS

I. PROBLEMS AND SOLUTIONS

Aleksandras Krasnovas (Lithuania). The Interaction of Personal and Communal Identities in Literature	11
Oleg Leszczak (Poland). On the Social and Empirical Nature of Kant's Transcendental Anthropocentrism: The Problem of Human Nature	21
Bernard Sypniewski, M. Frankel Sypniewski (USA). Patterns of Thought.....	36
Natalia Klushina (Russia). The Intentional Aspect of Modern Stylistics	50

II. FACTS AND REFLECTIONS

Yuri Stulov (Belarus). The Cityscape in the Contemporary African-American Urban Novel ...	65
Ganna Dashchenko (Ukraine). The Identity Dimension of the <i>Yi-An</i> Style: The Value System of Li Qingzhao.....	72
Gintarė Aleknavičiūtė (Lithuania). Domestication in the Translation of D. Brown's <i>The Da Vinci Code</i>	87
Anna Wzorek (Poland). Olga Tokarczuk's Game with the Rules of Criminal Novels: The Case of <i>Plough Through the Bones of the Dead</i>	98
Simona Amankevičiūtė (Lithuania). Cognitive Approach to the Stereotypical Placement of Women in Visual Advertising Space	108
Jelena Kazimianec (Lithuania). Snow in the Russian Language Picture of the World.....	121
Oskar Gawlik (Poland). On <i>If</i> and <i>Whether</i> Complement Clauses of <i>See</i> , <i>Wonder</i> , and <i>Know</i> in Contemporary Spoken Academic American English: A Corpus-Based Study.....	131
Eugene Zubkov (Poland). Word Usage of <i>Ксива</i> and <i>Малыва</i> in Russian Criminal Discourse	142
Mihaela Culea (Romania). "Middle Ground," "Duality," and "Diversimilarity" as Responses to Postcolonial and Global Challenges in Chinua Achebe's <i>The Education of a British-Protected Child</i> and <i>No Longer at Ease</i>	151
Malgorzata Krzysztofik (Poland). The Anthropological Model of Reading "Prescription for Soul and Body Against Epidemic Air" by 16 th Century Priest Hieronim Powodowski	162
Malgorzata Przenioslo (Poland). The Academics at Stefan Batory University in Vilnius During the Interwar Period.....	176

III. OPINION

- Eleonora Lassar** (Lithuania). On the Imperishable Reasons of Fairy-Tale Plots:
The Case of *Tom Thumb* 194

IV. CONFERENCE MATERIAL

- Leszek Szymański** (Poland). Language Awareness in an Internet Chat Room 203

V. SENSITIVE ISSUES

- Viktorija Makarova** (Lithuania). The Formation of the Image of the Enemy
in Lithuanian Media Outlets: The Polish Question 213

VI. SCIENTIFIC LIFE CHRONICLE**C o n f e r e n c e s**

- Jurgita Astrauskienė** (Lithuania). Review of the International Scientific Conference
“Thought Elaboration: Linguistics, Literature, Media Expression” (TELL ME 2013) 222

- Tatiana Larina** (Russia). Searching for Understanding in Cross-Cultural Communication.... 225

B o o k r e v i e w s

- Lara Sinelnikova** (Ukraine). CZERWINSKI, P., 2012. *The Language of Soviet Reality:
The Semantics of Positive Personal Evaluations* / ЧЕРВИНСКИЙ, П., 2012.
Язык советской действительности: Семантика позитива в обозначении лиц 230

- Michał Mazurkiewicz** (Poland). *Sport w sztuce. Sport in Art*. 2012.
M. KOZIOL, D. PIEKARSKA, M. A. POTOCKA (eds.)..... 237

- A n n o u n c e m e n t s** 239

- VII. REQUIREMENTS FOR PUBLICATION** 240

- VIII. OUR AUTHORS** 248

Кnyгų recenzijos / Recenzje książek

ЧЕРВИНСКИЙ, П., 2012. *Язык советской действительности: Семантика позитива в обозначении лиц*. Тернополь: Крок. 328 с.

Лара Синельникова
(Ukraina / Ukraina)

Уже в количестве разделов и подразделов рецензируемой монографии ощутима сложность навигационного маршрута, который предлагается пройти читателю, проявившему интерес к языку советской действительности в очень показательном ее аспекте – системно-парадигматическом устройстве матрицы номинаций, использующихся для положительной характеристики человека. Закономерности формирования такой матрицы автор связывает с особенностями мировоззрения и языкового сознания носителей русского языка советского времени. Есть все основания усмотреть «свой» путь исследователя эпохи, которая, завершившись хронологически, не стала анахронизмом, поскольку сформированные тем временем значения и смыслы продолжают присутствовать в новом социально-культурном контексте, в сознании, оценках и представлениях носителей языка другой эпохи. Вот как об этом говорит автор: «Язык этот не прекращает своего существования вместе с изменившимся временем, как, скажем, то, что определяют понятием языка советской эпохи. Язык советской действительности, вызванный к жизни этой действительностью, условиями и ментальностью, ею порожденными, способен меняться,

переходя во что-то другое, под действием новых условий, устраняя признаки, делавшие их советскими, но каким-то все тем же советским, не осознаваемым, образом оставаясь самим собой» (с. 150). Это язык, способный длиться и существовать вне советского времени. Но для того, чтобы понять, что и каким образом «способно длиться», нужно знать, что и как было.

Важен персональный хронотоп автора монографии: до 2000 года – профессор Ростовского университета (Россия), а затем профессор, заведующий кафедрой русского языка Силезского университета (Польша). Этот биографический факт обеспечил благоприятный исследовательский синтез: взгляд изнутри и по прошествии времени – со стороны. История распорядилась так, что старшее поколение ученых, оказавшись на перекрестке эпох, по-своему опровергло ставший расхожим афоризм: не дай бог жить в эпоху перемен, поскольку именно такая «переменная» эпоха естественным образом увеличила поле обзора и уровень понимания социально-языковых проблем.

Итак, предмет исследования в рецензируемой монографии – язык советской действительности. Цель исследования –

показать, что это особый язык, задачей которого было создание *желаемого* образа действительности. Действительным для сознания (в том числе для языкового сознания) должно было стать то, что полагалось необходимым для утверждения господствующей идеологии. Отношения в триаде «действительность – общество – человек» последовательно и целенаправленно пропускались через фильтры регулируемых и контролируемых идей.

В основе механизма формирования человека, действительности и языка лежит, по мнению автора, *принцип генеративного каузатива* (с. 8). Концептуально-генеративная основа делает необходимым видеть в объекте не только социотемпоральную, но и экзистенциальную константу. Каузативность определяется в качестве исходной категории, вмещающей желательное и императивное, внешнее и внутреннее. Можно говорить о советской действительности как таковой и о советском *представлении* действительности. Исследователь называет три проявления советскости: советскость реальной советской действительности («совковая советскость»), советскость идейно советского воображения о ней («вымороченная советскость») и советскость ее языка. Действительность, таким образом, квалифицируется как отраженное в языке и текстах общественное и личное существование.

В рецензируемой монографии четко обозначен новый вектор интерпретации материала: автор ушел от простого сбора советизмов – узнаваемых, отмеченных временем, лексических, фразеологических, клишированных языковых единиц. Он представил советского человека как ментально-речевого субъекта восприятия и интерпретации действительности, ко-

торая влияет на приемы оформления значений, способы речевого воздействия и проявляется в разного рода идеологически заряженных манифестациях. Разделением понятий «русский язык советского времени» и «язык советской действительности» П. Червинский обозначил важный дифференцирующий параметр, определяющий направления интерпретации языковых явлений и фактов: «Русский язык советского времени так напрямую не связан с носителями, как язык советской действительности, в отношении их какого-то определенного, предопределенного, в том числе ментального, типа» (с. 22).

Методология исследования основывается на принципе антропоцентризма и понятии советской языковой картины мира. Советский контекст совместного существования требовал внедрения общих мировоззренческих, социальных, психологических знаний. Важность человеческого измерения в языке вряд ли можно оспорить даже применительно к эпохам, когда человек мог получать в зависимости от обстоятельств характеристику «винтик» одновременно (или разновременно) с характеристикой «героический участник».

Автор монографии восстанавливает советскую языковую картину мира, заполняя матрицу обозначения лиц с семантикой позитива. Акцентируется и подтверждается большим эмпирическим материалом мысль о том, что язык социально-идеологической общности имеет *продуцирующий характер*: с помощью текстов и ритуалов вводятся сообщения извне, которые далее развиваются, пополняются и, внедряясь в сознание, становятся средством установления особого отношения к действительности.

Советское отношение к действительности отражается в языке. В моногра-

фии приведено множество примеров «советских слов» – слов советской действительности, семантика которых непосредственно связана с советской ментальностью и является составляющей советской картины мира. Позитивными характеристиками для носителя «языковой советскости» является объемный ряд слов: *летчик, энтузиаст, общественник, коллективист, патриот, интернационалист, гвардеец, большевик, богатырь, герой, орел, сокол, преобразователь, рыцарь, хозяин* и мн. др. Исследователь многосторонне характеризует каждое слово советской действительности, эксплицирует семантические показатели («кванты смысла») с тем, чтобы описать предметно-понятийную область языка советской действительности «как систему и как процедуру в их порождающем и объясняющем проявлении» (с. 39). Так, лексема *стахановец* анализируется как слово языка пропаганды с таким набором признаков: передовой рабочий-ударник, который трудится самоотверженно и бескорыстно с превышением существующих производственных норм во имя общего блага, способствуя тем самым укреплению советского строя. Особенно важно то, что он является примером для подражания. Сравнение с дефинициями толковых словарей советского времени дает представление о постепенном целенаправленном формировании пропагандистского значения слова. В итоге толкование приобретает характер обобщенного позитивного опыта. Идея советского позитива (стахановец – человек, много и плодотворно работающий) «продлевает» жизнь слова, приспособляя его к оценочному контексту постсоветской современности.

«Продуцирующее намерение» в представлении советской действительности выявляется в поощряемо-положительных обозначениях советского человека, в которые закладывается воздействующий, воспитательно-дидактический смысл. Носителями такого смысла могут быть как лексические и фразеологические непосредственно наблюдаемые единицы, так и «речевые контексты, синтаксические конструкции, ситуативные отнесения, пресуппозиции, схемы строения текста, то есть все то, что можно было бы определить как генеративно-перцептивную базу языка советской действительности» (с. 51–52).

«Просто человеческий позитив» и «советский позитив», по мнению П. Червинского, – существенно различающиеся вещи. Есть свой ключ, обеспечивающий вход в систему советского позитива, – это «воплощаемая в человеке-лице идея множасьегося, распространяющегося, заряжающего других и заряжаемого от других, когерентно-интерферирующего участия» (с. 53), то есть участия в процессе создания необходимого представления желаемой действительности. Человек, втянутый в общий процесс созидания советской действительности, предстает в четырех проявлениях: в роли действующего лица системы, идентифицируемого по признаку позитива; в роли деятеля, исполнителя определенного рода действий; в роли носителя важного, необходимого, с точки зрения системы, признака; в роли представителя группы (объединения, совокупности, множества), входящей в общее социальное поле. Названные ролевые проявления: действительность, деятель, обладатель и представитель – автор кладет в основу матричного представления позитивных

значений, фиксирующих место светского человека в советской системе.

Предлагается ряд методик выявления маркеров пропагандистского языка советской действительности, проявленных в словарных дефинициях, в парадигматических и синтагматических связях слова. Описание этапов формирования семантики слова (30 – 40 годы, 70 – 80-е годы, отчасти постсоветское время) можно оценить как значимое лексикографическое действие автора, позволяющее наглядно представить эволюцию отношений между языком и обществом. В монографии представлено и подвергнуто тщательному анализу множество ролевых действий советского человека. Назовем только некоторые классифицирующие позиции.

Наделенность/ отмеченность – характеристика, предполагающая признак, приписываемый лицу и отделяющий его от других. Этот признак может быть внутренне свойственным (кумулятивным) или придаваемым извне (аддитивным). Сравнение лексем *герой*, *боец* (по характеру), *энтузиаст*, *общественник* (по призванию), с одной стороны, и *светило*, *светоч*, *маяк*, *гигант* (науки, мысли, труда), с другой, позволяют увидеть отличия кумулятивности от аддитивности.

Принадлежность/ нужность приписывается лицу как имманентное или придаваемое свойство на основе отнесенности к общности, к определенной его группе, общественно значимому коллективу: *красноармеец*, *интербригадовец*, *известинец*, *краснопутиловец* (принадлежность), *плановик*, *кадровик*, *агроном*, *председатель* (нужность). Отнесенность к общественно значимому коллективу («общественная нужность»)

становится основанием для положительно-одобрительной характеристики человека.

Причастность/ поставленность определяет лицо в его отношении к деятельности в системе: *авроровец*, *целинник*, *бамовец* (осуществление задач внутреннего характера), *агроуполномоченный*, *двадцатипятилетний*, *инструктор*, *группкомсорг* (реализация идейных и политических задач). На этих основаниях лицо определяется как проектив – проекция отношения к общим целям и задачам.

Действующий/ организуемый – фиксация в слове способности к действию в желаемом для системы направлении: *боец*, *борец*, *защитник*, *страж* (оценка активной общественно-политической деятельности), *юнармеец*, *пионер*, *комсомолец*, *коммунист*, *колхозник* (участие в действиях, определяющих отношение к системе).

Каждая из дихотомических позиций в дальнейшем изложении уточняется через расширение круга признаков, образующих «мотивационную сферу обладателя как потенциального действующего, способного, когда будет надо и если потребуется, в должном и нужном, направленном и направляемом, отношении, ради целей, во имя системы, себя проявить» (с. 64). В итоге классификации приобретают фасеточный характер, и слово попадает в несколько классов на основе тщательного структурирования семантики (нередко с добавлением и словообразовательных признаков) с опорой на социальный контекст.

Многочисленные иллюстрации, уточнения и объяснения сопровождают выстраивание мозаики языка советской действительности, советского слово-

употребления как особой функциональной сферы, особого речевого узуса. Советский человек в этой сфере – это тот, кто не просто участвует (или пока еще не участвует, но вынужден будет участвовать) в общественной жизни, а тот, кто испытывает призвание к подобного рода деятельности, способен к ней по внутренним качествам; это человек, который заботится не о своем благополучии, а о благополучии всего общества, в том числе общества будущего.

Предметом представления объемной парадигматической системы языка советской действительности являются не столько слова как таковые, а признаки именно советского словоупотребления, для которого характерны свои контексты и клише, отображающие семантический код советского представления действительности. Слова, входящие в советскую парадигматическую систему, имеют многовалентное устройство, включающее как реализованный в вербальной семантике код советского человека, так и потенциальный смысловой резерв (возможное, предполагаемое значение, обусловленное соответствующим контекстом). «Валентное движение» обнаруживают номинации: *фронтовик*, *блокадник*, *сталинградец*, *чернобылец*, *афганец*, *льготник*, *гвардеец* (гвардеец пятилетки, молодая гвардия страны), *богатырь* (богатырь революции, пятилетки, труда), *орел* (красные орлы), *сокол* (сталинские соколы), *рыцарь* (рыцарь революции), *хозяйин* (молодые хозяева страны), *гигант* (науки, мысли, труда), *сын* (рабочего класса, страны Советов), *отец* (отец народов), за каждой из которых закреплено представление о человеке как носителе драматичного пережитого и переживаемого «советского опыта».

В основу многочисленных классификаций положен рекурсивный принцип – принцип трансмиссии: один показатель коррелирует с другим, через посредство другого с третьим, с четвертым и т. д. Складывается системная иерархичность признаков слова, которую автор, действуя по принципу воронки (от множества фактов к их объединению в группы), представляет в облегчающих понимание выводного знания схемах. Обилие интерпретируемых лексем, неоднократное обращение к номинациям позитива с новых позиций делает, как нам кажется, необходимым составление словника проанализированных слов, возможно, с указанием страницы (страниц), на которой произведен анализ слова.

Результаты проведенного исследования дают возможность соотнести языковую парадигму с ментальной, мировоззренческой, аксиологической, то есть эксплицировать смысловой код языка советской действительности. Советская действительность последовательно связывает мировоззрение и семантику. Становится понятным (что важно и для последующих поколений и историографов), что представляла собой воспитывающая человека среда с признаками советскости, в каком направлении шло формирование сознания масс.

Описать языковую единицу в таком виде, в каком она присутствует в сознании носителей языка, вряд ли возможно, и, по мнению психологов и психолингвистов (А. А. Леонтьев, А. А. Залевская и др.), выражение «языковое сознание» нельзя признать удачным. В то же время ментальное существование личности включает *образы сознания*, овеществленные в слове. Анализируемый труд дал модель сознания советского человека,

«овнешненную» (выведенную во внешний мир) с помощью языка.

Время меняет отношение к прошлому. Советская система перестала действовать, и физических носителей целостного (и ценностного) советского представления о мире становится все меньше. Но это не означает, что исчез феномен, который можно назвать «поколенческой семантикой», носителями которой являются люди, основывающие жизненные ценности на вербальном и невербальном опыте прошлого, и в этом случае модель «там и тогда» не переходит в анахронизм, а занимает пространство «здесь и сейчас». Отсюда реакция не только на другую, современную, действительность, но и отношение к номинациям, появившимся в этой новой действительности. Отсутствие контекста совместного существования не мешает сохранению в структуре ряда слов социальной семантики советского образца для людей, стремящихся сохранить прошлое в настоящем. В этом случае мы имеем дело с когнитивной ригидностью – неготовностью к построению новой концептуальной картины окружающего мира при получении дополнительной информации, которая противоречит старой картине мира.

Рецензент по определению не может превысить знания автора, его задача – понять изложенное и, по возможности коротко представив понятие, привлечь внимание тех, кого интересует обозначенная в названии монографии проблема. Наш интерес связан с дискурсивной обусловленностью применения советизмов в постсоветскую эпоху. Изменился образ триады «действительность – общество – человек», и семантические факторы делают очевидную уступку

структурно-функциональным и функционально-стилистическим. Взаимодействие лексики советского времени и новой (заимствованной или возвращенной архаической) нередко лежит в основе новых дискурсивных практик и новых текстовых форматов, большая часть которых сохраняет стилистический приоритет за иронией. В советское время ирония могла иметь место только в диссидентских текстах, во всех остальных случаях (и примеры, включенные в рецензируемую монографию, об этом свидетельствуют) этот прием неидеологизированного мышления не мог найти применения, а точнее – был просто опасен. В функционировании заложены потенциалы изменений семантики, то есть прокладывается путь от одной эпохи к другой, от серьезного и пафосного к ироническому. Монографию П. Червинского, в которой семантика позитива в обозначении лиц в советской действительности интерпретируется в связи с когнитивными факторами целеполагания, адаптации, поддержания образца, можно оценить как добротный исходный материал для описания дискурсов с другим целеполаганием, интеграцией и образцами.

Что и в каком семантическом качестве осталось от советского времени в новом дискурсивном поле – предмет особого интереса и особых целенаправленных исследовательских действий. Но даже минимальное прикосновение к этой проблеме говорит о многом. Так, советизм *маяк* (о ком-либо или о чем либо, выступающем в роли указателя пути к чему-то значимому, высокому) остался в прошлом, современные тексты фиксируют только прямое значение слова – ‘особого устройства фонарь для освещения’. Советизм *общественник* не выходит за

пределы текстов о советском времени и советском человеке (словосочетания *активный общественник, опытный общественник*). Советизм *страж* (защитник советского строя и советской идеологии) перешел либо в иронические тексты, либо употребляется для иронического названия представителей охранной службы. Своеобразна судьба советизма *стахановец*: с расшифровкой ‘передовик производства’ слово используется только в художественном нарративе о советском времени; а вот «осколки» сюжета о Стаханове можно встретить в разговорной речи в форме *даешь стране угля; пахал, как Стаханов; выискался стахановец* и под. (см. материалы «Национального онлайн-корпуса

русских текстов нового времени», URL: <http://ruscorpora.ru>).

Семантика позитива в обозначении лиц в новых условиях может перейти в свою противоположность, и признаки советскости чаще всего получают неприязненную, осуждающую и ироническую оценку. Но, чтобы понять такого рода метаморфозы, увидеть смену текста под влиянием нового контекста, важно знать, что и как было в условиях, когда советскость имела целостный позитивный смысл – причастность к советской системе. Такому пониманию, безусловно, способствует исследование П. Червинского, научный труд которого полностью подтверждает тезис: взгляд назад – стимул для движения вперед.